

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Абу-ль-Хасане из Хорасана

Рассказывают также, о счастливый царь, что аль-Мутаид биллах [662] был возвышен помыслами и благороден душой, и было у него в Багдаде шестьсот везирей, и ничто из дел людских не было от него скрыто. И пошел он однажды с Ибн Хамдуном [663], чтобы посмотреть на подданных и послушать, что есть нового в делах людей, и их стал палить зной и жара. А они дошли до маленького переулка на площади и, войдя в этот переулок, увидели в конце его красивый дом, высоко построенный и возглашавший о своем обладателе языком хвалы. И они присели у ворот отдохнуть, и из дому вышли двое слуг, подобных луне в четырнадцатую ночь, и один из них сказал своему товарищу: "Если бы какой-нибудь гость попросил сегодня разрешения войти! Мой господин не ест иначе, как с гостями, а мы дождались до этого времени и никого не видим". И халиф удивился их словам и сказал: "Вот доказательство щедрости владельца этого дома! Мы непременно войдем в его дом и посмотрим на его благородство, и это будет причиной милости, которая придет к нему от нас". И затем он сказал слуге: "Попроси у своего господина позволения войти нескольким чужеземцам (а халиф в то время, если он хотел посмотреть на подданных, переодевался в одеяние купцов)". И слуга вошел к своему господину и рассказал ему, я хозяин дома обрадовался и вышел к гостям сам, и оказалось, что он прекрасен лицом и красив обликом, и на нем нисабурская рубашка и расшитый золотом плащ, и он пропитан духами, и на руке его – перстень с яхонтами. И, увидев пришедших, он сказал им: "Приют и уют господам, оказывающим нам крайнюю милость своим приходом!"

И, войдя в этот дом, они увидели, что он заставляет забыть близких и родину и подобен кусочку райских садов...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот шестидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда халиф и те, кто был с ним, вошли в дом, они увидели, что он заставляет забыть близких и родину и подобен кусочку райских садов, и внутри его был сад со всевозможными деревьями, и он ошеломлял взоры, и все помещения в нем были устланы роскошными коврами. И вошедшие сели, и альМутаид стал рассматривать дом и ковры.

"И я посмотрел на халифа, – говорил Ибн Хамдун, – и увидел, что его лицо переменилось (а я различал на его лице выражение милости или гнева), и, увидев это, я сказал себе: "Посмотри-ка! Что это с ним, что он рассердился". И принесли золотой таз, и мы вымыли руки, и затем принесли шелковую скатерть и столик из бамбука, и когда с блюда подняли крышки, мы увидели кушанья, подобные весенним цветам в самое лучшее время, купами и отдельно. И хозяин дома сказал: "Во имя Аллаха, господа! Клянусь Аллахом, меня измучил голод! Сделайте милость, поешьте этих кушаний, как подобает людям с благородными свойствами".

И хозяин дома стал разнимать кур и класть их перед нами, и он смеялся, произносил стихи, рассказывал и говорил тонкие вещи, подходящие для этого места.

И мы поели и попили, – говорил Ибн Хамдун, – и потом нас перевели в другое помещение, ошеломляющее тех, кто смотрит, в котором веяли прекрасные запахи, и принесли скатерть с только что сорванными плодами и сладостями, внушающими желания, и усилилась наша радость, и прошла наша печаль. Но при всем этом халиф не переставал хмуриться и не улыбался, видя то, что радовало душу, хотя он обычно любил развлекаться и веселиться, прогоняя заботы, и я знал, что он не завистник и не обидчик. И я говорил про себя: "Узнать бы, в чем причина его хмурости и того, что не проходит его недовольство!"

А затем принесли поднос для питья, собирающий вокруг себя влюбленных, и принесли процеженное вино в золотых, хрустальных и серебряных чашах, и хозяин дома ударил бамбуковой палочкой в дверь какой-то комнаты, и вдруг эта дверь отворилась, и из нее вышли три невольницы – высокогрудые девы, с лицами, подобными солнцу в четвертый час дня, и одна из них была лютнистка, другая была в цимбалы, а третья была плясунья. И затем нам принесли сухие и свежие плоды и между нами и тремя невольницами опустили парчовую занавеску с шелковыми кистями, и кольца ее были из золота. Но халиф не обращал на все это внимания, а хозяин дома Не знал, кто находится у него. И халиф спросил хозяина дома: "Благородный ли ты?" И тот отвечал: "Нет, господин мой, я человек из детей купцов и зовусь среди людей Абу-ль-Хасаном ибн Ахмедом хорасанцем". – "Знаешь ли ты меня, о человек?" – спросил халиф. И Абу-ль-Хасан ответил: "Клянусь Аллахом, о господин мой, не было у меня знакомства ни с одним из ваших благородных достоинств". И Ибн Хамдун сказал ему: "О человек, это повелитель правоверных аль-Мутадад биллах, внук аль-Мутаваккиля-ала-Ллаха" [664].

И тогда этот человек поднялся, и поцеловал землю меж рук халифа, дрожа от страха, и сказал: "О повелитель правоверных, заклинаю тебя твоими пречистыми дедами, если ты увидел во мне неумение или малое вежество в твоем присутствии, прости меня". – "Что касается уважения, которое ты нам оказал, то больше этого не бывает, – сказал халиф, – но кое что я здесь заподозрил, и если ты расскажешь мне об этом правду и она утвердится в моем уме, ты спасешься, если же ты не осведомишь меня об истине, я поймаю тебя с явными доказательствами и буду пытаться тебя такой пыткой, какой не пытал никого". – "Прибегаю к Аллаху от того, чтобы сказать ложное! – воскликнул Абу-ль-Хасан. – В чем твое подозрение, о повелитель правоверных?" – "С тех пор как я вошел в этот дом, – ответил халиф, – я смотрю на его красоту и убранство – посуду, ковры и украшения, вплоть до твоей одежды, и на всем этом – имя моего деда аль-Мутаваккиля-ала-Ллаха". – "Да, – ответил Абуль-Хасан. – Знай, о повелитель правоверных (да поддержит тебя Аллах!), что истина – твоя нижняя одежда, а правда – твой плащ, и никто не может говорить неправду в твоем присутствии".

И халиф велел ему сесть, и когда он сел, сказал ему: "Рассказывай!" И хозяин дома молвил: "Знай, о повелитель правоверных (да укрепит тебя Аллах своей поддержкой и да окружит тебя своими милостивыми детьми!), что не было в Багдаде никого богаче меня и моего отца... Но освободи для меня твой ум, слух и взор, чтобы я рассказал тебе о причине того, из-за чего ты меня заподозрил".

"Начинай твой рассказ", – сказал халиф. И Абу-льХасан молвил:

"Знай, о повелитель правоверных, что мой отец торговал на рынке менял, москательщиков и продавцов материи, и на каждом рынке у него была лавка, поверенный и товары всех родов, и у него была комнатка внутри лавки на рынке менял, чтобы быть в ней наедине, а лавку он предназначил для купли и продажи.

И у него было денег больше, чем можно сосчитать и превыше счисления, и не было у него ребенка, кроме меня, и он любил меня и заботился обо мне. И когда пришла к нему смерть, он позвал меня и поручил мне заботиться о моей матери и бояться Аллаха великого, а потом он умер (да помилует его Аллах великий и да сохранит он повелителя правоверных!), а я предался наслаждениям и стал есть и пить и завел себе друзей и приятелей. И моя мать удерживала меня от этого и укоряла меня, но я не слушал ее слов, пока не ушли все деньги. И я продал свои владения, и не осталось у меня ничего, кроме дома, в котором я жил. А это был красивый дом, о повелитель правоверных, и я сказал матери: "Хочу продать дом!" И она молвила: "О дитя мое, если ты его продашь, ты опозоришься и не найдешь себе места, где бы приютиться". – "Дом стоит пять тысяч динаров, – сказал я. – Я куплю из денег за него дом в тысячу динаров и буду торговать на остальное". – "Не продашь ли ты дом мне за это количество?" – спросила моя мать. И я сказал: "Хорошо". И она подошла к опускной двери и, открыв ее, вынула фарфоровый сосуд, в котором было пять тысяч динаров, и мне показалось, что весь дом – золотой. "О дитя мое, – сказала она, – не думай, что эти деньги – деньги твоего отца! Клянусь Аллахом, о дитя мое, они из денег моего отца, и я их припрятала до часа нужды. Во время твоего отца я была избавлена от надобности в этих деньгах".

И я взял у нее деньги, о повелитель правоверных, и вернулся по-прежнему к еде, питью и дружбе, и эти пять тысяч динаров вышли, и я не принимал от моей матери ни слов, ни советов. И потом я сказал ей: "Хочу продать дом!" И она молвила: "О дитя мое, я удержала тебя от

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

продажи его, так как знала, что он тебе нужен, как же ты хочешь продать его второй раз?" – "Не затягивай со мной разговоров, неизбежно его продать!" сказал я. И моя мать молвила: "Продай мне его за пятнадцать тысяч динаров, с условием, что я сама возьмусь за твои дела".

И я продал ей дом за эту цену, с условием, что она сама возьмется за мои дела, и она позвала поверенных моего отца и дала каждому из них тысячу динаров, а остальные деньги оставила у себя и сделки приказала заключать с нею. И часть денег она дала мне, чтобы я на них торговал, и сказала: "Сиди в лавке твоего отца". – И я сделал так, как сказала мне мать, о повелитель правоверных, и пошел в комнату, что была на рынке менял, и мои друзья приходили ко мне и покупали у меня, а я продавал им, и моя прибыль была хороша, и мои деньги умножились. И когда моя мать увидела меня в таких прекрасных обстоятельствах, она показала мне то, что у нее было припрятано из драгоценных камней, металлов, жемчуга и золота. И вернулись ко мне мои владения, которые пропали из-за мотовства, и стало у меня много денег, как и раньше. И я провел таким образом некоторое время, и пришли ко мне поверенные моего отца, и я дал им товаров и потом выстроил себе вторую комнатку внутри лавки.

И когда я однажды сидел в ней, по обычаю, о повелитель правоверных, вдруг подошла ко мне девушка, лучше которой не видели глаза, и спросила: "Это ли комната Абу-ль-Хасана Али ибн Ахмеда хоросанца?" И я ответил: "Это я". И мой разум был ошеломлен ее крайней прелестью, о повелитель правоверных. И девушка села и сказала мне: "Скажи мальчику – пусть он отвесит мне триста динаров". И я приказал отвесить ей это количество, и мальчик отвесил деньги, и девушка взяла их и ушла, а мой разум был смущен. И мальчик спросил меня: "Знаешь ли ты ее?" И я ответил: "Нет, клянусь Аллахом!" И тогда он спросил: "Почему же ты сказал мне: "Отвесь ей!" – "Клянусь Аллахом, – сказал я, – я не знал, что говорю, так как меня ослепила ее красота и прелесть".

И мальчик поднялся и последовал за дедушкой, без моего ведома, но потом вернулся, плача, и на его лице был след удара. "Что с тобой?" спросил я: И он сказал мне: "Я последовал за девушкой, чтобы посмотреть, куда она пойдет, и она почуяла меня, и вернулась, и ударила меня этим ударом, так что едва не погубила и не выбила мне глаз".

И я провел месяц, не видя девушки, и она не пришла, и я потерял от любви к ней разум, о повелитель правоверных, а когда наступил конец месяца, она вдруг пришла и поздоровалась со мной, и я едва не улетел от радости. И она спросила, что со мной было, и сказала:

"Может быть, ты говорил в душе: "Что делает эта хитрая?"

Как это она взяла у меня деньги и ушла?" – "Клянусь Аллахом, о госпожа, – сказал я ей, – мои деньги и душа – в твоей власти". И она открыла лицо и присела отдохнуть, и украшения и одежды переливались на ее лице и груди. "Отвесь мне триста динаров", – сказала она потом. И я молвил: "Слушаю и повинуюсь!" И я отвесил ей динары, и она взяла их и ушла. И я сказал мальчику: "Пойди за ней следом!" И он последовал за девушкой и вернулся ко мне ошеломленный. И прошло некоторое время, и девушка не приходила, и когда я сидел в какой-то день, она вдруг пришла ко мне и поговорила со мной немного, а потом сказала: "Отвесь мне пятьсот динаров – они мне понадобились..." И я хотел ей сказать: "За что я буду тебе давать деньги?" – но крайняя страсть помешала мне говорить, и всякий раз, как я ее видел, о повелитель правоверных, у меня дрожали поджилки и желтел цвет лица, и я забывал то, что хотел сказать, и был таким, как сказал поэт:

И только красавицу увижу внезапно я,

Сейчас же смущаюсь и едва отвечаю.

И я отвесил ей пятьсот динаров, и она взяла их и ушла, и я встал и шел за ней следом сам, пока она не дошла до рынка драгоценных камней. И она остановилась возле одного человека, и взяла у него ожерелье, и, обернувшись, увидела меня и сказала: "Отвесь мне пятьсот динаров". И когда владелец ожерелья увидел меня, он поднялся и оказал мне уважение.

И я сказал ему: "Отдай ей ожерелье, и цена его будет за мной!"

И торговец сказал: "Слушаю и повинуюсь!" А девушка взяла ожерелье и ушла..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасан хоросанец говорил: "И я сказал: "Отдай ей ожерелье, и цена его будет за мной!" И девушка взяла ожерелье и ушла. И я следовал за ней, пока она не дошла до Тигра, и тогда она села в лодку, и я указал рукой на землю, как бы целуя ее перед ней, и она уехала, смеясь. А я остался и стоял, смотря на нее, пока она не вошла в какой-то дворец, и я всмотрелся в него и вдруг вижу, что это дворец халифа аль-Мутаваккиля!

И я вернулся, о повелитель правоверных, и опустилась мне на сердце вся забота мира, – ведь девушка взяла у меня три тысячи динаров! И я говорил про себя: "Она взяла мои деньги и похитила мой разум, и, может быть, моя душа погибнет от любви к ней". И я вернулся домой и рассказал моей матери обо всем, что со мной случилось, и она сказала: "О дитя мое, берегись попадаться ей после этого – ты погибнешь". И когда я пошел в лавку, ко мне пришел поверенный с рынка москательщиков – а это был престарелый старец – и сказал мне: "О господин, почему это, я вижу, твое состояние изменилось, и видны на тебе следы грусти? Расскажи мне о твоём деле". И я рассказал ему обо всем, что у меня случилось с девушкой, и поверенный сказал: "О дитя мое, эта девушка – из невольниц дворца повелителя правоверных, и она любимица халифа. Считаю же, что деньги ушли ради Аллаха великого, и не занимай ею своей души, а когда она к тебе придет, остерегайся, чтобы она тебе не повредила, и осведоми меня об этом, а я придумаю что-нибудь, чтобы не постигла тебя гибель".

И затем он оставил меня и ушел, а в моем сердце было пламя огня. И когда пришел конец месяца, девушка вдруг явилась ко мне, и я обрадовался ей до крайней степени, и она молвила: "Что побудило тебя за мной следовать?" – "Меня побудила к этому крайняя любовь, которая в моем сердце", – сказал я и заплакал перед нею, и она тоже заплакала из жалости ко мне и воскликнула: "Клянусь Аллахом, в твоём сердце нет любви, больше которой в моем сердце! Но что же мне делать?"

Клянусь Аллахом, нет мне пути ни к чему, кроме как видаться с тобой один раз каждый месяц!" И затем она дала мне бумажку и сказала: "Снеси ее к такому-то, торговцу тем-то – он мой поверенный – и получи с него столько, сколько тут написано". А я воскликнул: "Нет мне нужды в деньгах, и мои деньги и душа – выкуп за тебя!" – "Я придумаю для тебя дело, в котором будет твое сближение со мной, хотя бы был в этом для меня труд", – сказала девушка. И затем она простилась со мной и ушла, а я пришел к старику москательщику и рассказал ему о том, что случилось.

И он пришел со мной к дворцу аль-Мутаваккиля, и я увидел, что это то самое помещение, в которое вошла девушка, и старик москательщик растерялся, не зная, какую устроить хитрость. И он посмотрел по сторонам и увидел портного, напротив окна дворца, выходившего на берег, и подле него были работники. "С помощью этого человека ты достигнешь того, чего хочешь, – сказал москательщик. – Распори карман, подойди к портному и скажи, чтобы он тебе его зашил, и когда он зашьет его, дай ему десять динаров". – "Слушаю и повинуюсь!" – сказал я и отправился к этому портному, захватив с собой два отреза румской парчи, и сказал ему: "Скрой из этих отрезов четыре одежды – две фарджии и две нефарджии".

И когда он кончил кроить одежды и шить их, я дал ему плату, гораздо большую, чем обычно, и он протянул мне руку с этими одеждами, и я сказал: "Возьми их для себя и для тех, кто у тебя находится". И я стал сидеть у портного, затягивая пребывание с ним, и скроил у него другие одежды и сказал: "Повесь их перед твоей лавкой, чтобы кто-нибудь их увидел и купил". И портной сделал это, и всякому, кто выходил из дворца халифа и кому нравились какие-нибудь одежды, я дарил их, даже привратнику.

И в один день из дней портной сказал мне: "Я хочу, о дитя мое, чтобы ты рассказал мне правду. Ты скроил у меня сто драгоценных одежд

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

(а каждая одежда стоила больших денег) и подарил большую часть их людям, а это не дело купца, так как купец рассчитывает каждый дирхем. Каков же размер твоих основных денег, раз ты делаешь такие подарки, и какова твоя нажива каждый год? Расскажи мне истину, чтобы я помог тебе в том, что ты хочешь, заклиная тебя Аллахом, – сказал он потом, – не влюблен ли ты?" "Да", – ответил я. И он спросил: "В кого?" И я сказал: "В невольницу из невольниц дворца халифа". – "Да обезобразит их Аллах! – воскликнул портной. – Сколько они еще будут соблазнять людей!" И затем он спросил: "Знаешь ли ты ее имя?" И когда я ответил: "Нет", – портной сказал: "Опиши ее мне". И я описал ему ту девушку, и он воскликнул: "О горе, это лютнистка халифа аль-Мутаваккиля и его любимица! Но у нее есть невольник. Сведи с ним дружбу, и, может быть, он будет причиной того, что ты достигнешь девушки".

И когда мы разговаривали, вдруг этот невольник подошел, выйдя из ворот халифа, и он был подобен луне в четырнадцатую ночь. А передо мной лежали одежды, которые сшил для меня портной (они были парчовые, разных цветов), и невольник стал смотреть на них и разглядывать их, а затем он подошел ко мне, и я поднялся и приветствовал его, и он спросил: "Кто ты?" – "Человек из купцов", – ответил я. И невольник спросил: "Продаешь ли ты эти одежды?" – "Да", – ответил я. И он взял пять из них и спросил: "Почем эти пять?" – "Это подарок тебе от меня, чтобы заключить дружбу между мной и тобой", – ответил я, и невольник обрадовался. А затем я пошел домой и взял для него платье, украшенное драгоценными камнями и яхонтами, ценой в три тысячи динаров, и отнес его к нему, и он принял от меня платье, и потом взял меня и привел в комнату внутри дворца, и спросил: "Как ты зовешься среди купцов?" – "Я один из них", – ответил я. И невольник молвил: "Твое дело внушило мне сомнение". – "Почему?" – спросил я. И он сказал: "Ты подарил мне много вещей и покори́л этим мое сердце, и я уверен, что ты Абу-ль-Хасан хорасанец, меняла".

И я заплакал, о повелитель правоверных, и невольник спросил: "О чем ты плачешь? Клянусь Аллахом, та, из-за которой ты плачешь, больше и сильнее влюблена в тебя, чем ты влюблен в нее, и среди всех невольниц во дворце стало известно ее дело с тобой. Что же ты хочешь?" – спросил он меня потом. И я сказал: "Я хочу, чтобы ты помог мне в моей беде", – и невольник условился со мной на завтра. И я отправился домой, а на следующее утро я пошел к невольнику и вошел в его комнату, и невольник пришел и сказал: "Знай, что, когда она вчера кончила службу у Халифа и пришла в свою комнату, я рассказал ей всю твою историю, и она решила с тобой сблизиться. Посиди у меня до конца дня".

И я остался сидеть у невольника, и когда наступила ночь, он вдруг пришел и принес рубашку, сотканную из золота, и платье из платьев халифа и надел их на меня, и окурил меня благовониями, и я стал похож на халифа. А затем он привел меня в помещение, где были комнаты в два ряда, по обе стороны, и сказал: "Это собственные комнаты невольниц, и когда ты будешь проходить мимо них, клади у каждой двери один боб – у халифа обычай делать так каждый вечер..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольник говорил Абу-ль-Хасану: "И когда ты будешь проходить мимо них, клади у каждой двери один боб – у халифа обычай делать это, – пока не дойдешь до второго прохода, что будет от тебя с правой руки. Ты увидишь там комнату, дверь которой с мраморным порогом, и когда ты дойдешь до нее, пощупай порог рукой, а если хочешь – считай двери, их будет столько-то, и войди в дверь, у которой такие-то и такие-то приметы, – твоя подруга увидит тебя и возмет к себе. А что касается твоего выхода, то Аллах облегчит его для меня, хотя бы мне пришлось вынести тебя в сундуке". И затем он оставил меня и вернулся, а я пошел, считая двери, и клал у каждой двери боб, и когда я дошел до средних комнат, я услышал великий шум и увидел блеск свечей, и этот свет двигался в мою сторону, пока не приблизился ко мне. И я посмотрел, что это, и вдруг вижу – халиф, и вокруг него невольницы, а у невольниц свечи. И я услышал, как одна из них говорила своей подруге: "О сестрица, разве у нас два халифа? Ведь халиф уже проходил мимо моей комнаты, и я почувствовала запах его духов и благовоний, и он положил боб у моей комнаты, по обычаю, а сейчас я вижу свет свечей халифа, и вон он сам идет". – "Поистине, это удивительное дело, – сказала другая невольница, – так как перерядиться в одежду халифа не осмелится никто".

И потом свет приблизился ко мне, и у меня задрожали все члены, и вдруг евнух закричал невольницам: "Сюда!" И они свернули к одной из комнат и вошли, а потом вышли и шли до тех пор, пока не дошли до комнаты моей подруги. И я услышал, как халиф спросил: "Эта комната чья?" И ему сказали: "Эта комната Шеджерет-аддурр".

И халиф молвил: "Позовите ее!" И девушку позвали, и она вышла и поцеловала ноги халифа, и тот спросил ее: "Будешь ты пить сегодня вечером?" – "Не будь это ради твоего присутствия и взгляда на твое лицо, я бы не стала пить, потому что не склонна пить сегодня вечером", – ответила девушка. И халиф сказал евнуху: "Скажи казначею, чтобы он дал ей такое-то ожерелье".

И затем он велел всем входить в ее комнату, и перед ним внесли свечи, и халиф вошел в комнату моей подруги, и вдруг я увидел, впереди других, невольницу, сияние лица которой затмевало свет свечи, бывшей у нее в руке. И она подошла ко мне и сказала: "Кто это?" И схватила меня, и увела в одну из комнат, и спросила: "Кто ты?" И я поцеловал перед ней землю и сказал: "Заклинаю тебя Аллахом, о госпожа, сохрани мою кровь от пролития, пожалей меня и приблизься к Аллаху спасением моей души!" И я заплакал, боясь смерти, и невольница сказала: "Нет сомненья, что ты вор!" И я воскликнул: "Нет, клянусь Аллахом, я не вор. Разве ты видишь на мне признаки воров?" – "Расскажи мне правду, – сказала она, – и я оставлю тебя в безопасности". – "Я влюбленный, глупый дурак, – сказал я. – Любовь и моя глупость побудили меня к тому, что ты видишь, и я попал в эту западню". – "Стой здесь, пока я не приду к тебе", – сказала она и, выйдя, принесла мне одежду невольницы из своих невольниц, и надела на меня эту одежду в той же комнате, и сказала: "Выходи за мной!"

И я вышел за ней и дошел до ее комнаты, и она сказала: "Входи сюда".

И когда я вошел в комнату, она подвела меня к ложу, где были великолепные ковры, и сказала: "Садись, с тобой не будет беды. Ты не Абу-ль-Хасан хорасанец, меняла?" – "Да", – сказал я. И девушка воскликнула: "Аллах да сохранит твою кровь от пролития, если ты говоришь правду и не вор! А иначе ты погибнешь, тем более что ты в облике халифа и в его одежде и пропитан его благовониями. Если же ты Абу-ль-Хасан Али хорасанец, меняла, то ты в безопасности и с тобой не будет беды, так как ты друг Шеджерет-ад-Дурр, а она – моя сестра. Она никогда не перестает говорить о тебе и рассказывать нам, как она взяла у тебя деньги, а ты к ней не переменялся, и как ты пришел следом за нею на берег и указал рукой на землю из уважения к ней, и в ее сердце из-за тебя огонь больше, чем в твоём сердце из-за нее. Но как ты пробрался сюда, – по приказанию ее или без ее приказания, подвергая опасности свою душу, и чего ты хочешь от встречи с нею?" – "Клянусь Аллахом, госпожа, – сказал я, – я сам подверг свою душу опасности, а моя цель при встрече с нею – только смотреть на нее и слышать ее речь". – "Ты отлично сказал", – воскликнула невольница. И я молвил: "О госпожа, Аллах свидетель в том, что я говорю. Моя душа не подсказала мне о ней ничего греховного". – "За такое намерение пусть спасет тебя Аллах! Жалость к тебе запала в мое сердце!" воскликнула невольница. И затем она сказала своей рабыне: "О такая-то, пойди к Шеджерет-ад-Дурр и скажи ей: "Твоя сестра желает тебе мира и зовет тебя. Пожалуй же к ней сегодня ночью, как обычно, – у нее стеснена грудь".

И невольница пошла, и вернулась, и сказала: "Она говорит: "Да позволит Аллах насладиться твоей долгой жизнью и да сделает меня твоим выкупом! Клянусь Аллахом, если бы ты позвала меня не для этого, я бы не задержалась, но у халифа головная боль и это меня удерживает, – а ты ведь знаешь, каково мое место у него". И девушка сказала невольнице: "Возвращайся к ней и скажи: "Ты обязательно должна прийти к ней сегодня из-за тайны, которая есть между вами". И невольница пошла и через некоторое время пришла с девушкой, лицо которой сияло как луна. И ее сестра встретила ее, и обняла, и сказала: "О Абу-ль-Хасан, выходи к ней и поцелуй ей руки!" А я был в чуланчике, внутри комнаты, и вышел к ней, о повелитель правоверных, и, увидев меня, она бросилась ко мне, и прижала меня к груди, и сказала: "Как ты оказался в одежде халифа с его украшениями и благовониями?"

И затем она молвила: "Расскажи мне, что с тобой случилось". И я рассказал ей, что со мной случилось и что мне пришлось вынести, – и страх, и другое, и девушка молвила: "Тяжело для меня то, что ты из-за меня перенес, и хвала Аллаху, который сделал исходом всего этого благополучие, и в завершение благополучия ты вошел в мое жилище и в жилище моей сестры". И потом она увела меня в свою комнату и сказала сестре: "Я обещала ему, что не буду с ним сблизяться запретно, и так же, как он подверг свою душу опасности и прошел через все эти ужасы, я буду ему землею, чтобы он попира́л меня ногами, и прахом для его сандалий..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала своей сестре: "Я обещала ему, что не буду сближаться с ним запретно, и так же, как он подверг свою душу опасности и прошел через все эти ужасы, я буду ему землею, чтобы он попираал меня ногами, и прахом для его сандалий". И ее сестра сказала ей: "Ради этого намерения да спасет его великий Аллах". И Шеджерет-ад-Дурр молвила: "Ты увидишь, что я сделаю, чтобы соединиться с ним законно. Я обязательно пожертвую своей душой, чтобы ухитриться для этого".

И когда мы разговаривали, вдруг раздался великий шум, и мы обернулись и увидели, что пришел халиф и направляется к ее комнате, – так сильно он ее любил. И девушка взяла меня, о повелитель правоверных, и посадила в погреб, и закрыла его надо мной, а потом она вышла навстречу халифу и встретила его. И когда халиф сед, она встала перед ним и начала ему прислуживать и велела принести вино. А халиф любил невольницу по имени Банджа (а это мать аль-Мутазза биллаха) [665], и эта невольница порвала с ним, и он порвал с ней, и она гордая своей прелестью и красотой, не мирилась с ним, а аль-Мутаваккиль, гордый властью халифа и царя, не мирился с нею и не сломил себя перед нею, хотя в его сердце горело из-за нее огненное пламя, и старался отвлечься от нее подобными ей из невольниц, и заходил в их комнаты. А он любил пение Шеджерет-ад-Дурр и велел ей петь, и девушка взяла лютню и, натянув струны, пропала такие стихи:

"Дивлюсь, как старался рок нас прежде посорить с ней,

Когда же все кончилось меж нами, – спокоен рок,

Я бросил тебя – сказали: "Страсти не знает ое!"

Тебя посетил – сказали: "Нету в нем стойкости!"

Любовь к ней, усиль же с каждой ночью ты страсть мою.

Забвение дня – с тобою встречу в день сбора я.

Ведь кожа ее – как шелк, а речи из уст ее

Так мягки – не вздор они и не назидание,

И очи ее – сказал Аллах: "Пусть будут!" И созданы

Они, и с сердцами то, что вина, творят они".

И, услышав ее, халиф пришел в великий восторг, и я тоже возликовал в погребѐ, о повелитель правоверных, и если бы не милость Аллаха великого, я бы вскрикнул, и мы бы опозорились.

И затем девушка произнесла еще такие стихи:

"Его обнимаю я, и все же душа по нем

Тоскует, а есть ли что, что ближе объятий?

Целую его уста я, чтобы прошел мой жар,

Но только сильнее от любви я страдаю.

И, кажется, сердца боль тогда исцелится лишь,

Когда ты увидишь, что слились наши души".

И халиф пришел в восторг и воскликнул: "Пожелай от меня, о Шеджерет-ад-Дурр". И девушка сказала: "Я желаю от тебя освобождения, о повелитель правоверных, так как за него будет небесная награда". – "Ты свободна, ради великого Аллаха", – сказал халиф. И девушка поцеловала землю меж его рук, и халиф молвил: "Возьми лютню и скажи нам что-нибудь о моей невольнице, любовь к которой привязалась ко мне. Все люди ищут моей милости, а я ищу ее милости".

И девушка взяла лютню и произнесла такие два стиха:

"Владычица красоты, что всю мою набожность

Взяла, – как бы ни было, я должен владеть тобой.

Возьму ли покорностью тебя – это путь любви!

Иль, может, величием моим – это власти путь!"

И халиф пришел в восторг и сказал: "Возьми лютню и спой стихи, в которых будет рассказ о моем деле с тремя невольницами, которые овладели моей уздой и лишили меня сна, – это ты, и та невольница, что со мной рассталась, и другая – ее не назову, – которой нет подобной".

И девушка взяла лютню и, начав петь, произнесла такие стихи:

"Три красавицы овладели ныне уздой моей

И в душе моей место лучшее захватили.

Хоть послушен я никому не буду во всей земле,

Их я слушаюсь, а они всегда непокорны.

И значит это только то, что власть любви

(А в ней их сила) – моей превыше власти".

И халиф до крайности удивился соответствию этих стихов с его обстоятельствами, и восторг склонил его к примирению с невольницей, порвавшей с ним. И он вышел и направился к ее комнате, и одна из невольниц опередила его и осведомила ту девушку о приходе халифа,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и она вышла к нему навстречу и поцеловала землю меж его рук, а затем поцеловала его ноги, и халиф помирился с ней, и она помирилась с ним, и вот каково было их дело.

Что же касается Шеджерет-ад-Дурр, то она пришла ко мне, радостная, и сказала: "Я стала свободной из-за твоего благословенного прихода, и, может быть, Аллах мне поможет, и я что-нибудь придумаю, чтобы соединиться с тобой законно". И я воскликнул: "Хвала Аллаху!" И когда мы разговаривали, вдруг вошел к нам ее евнух, и мы рассказали ему, что с нами случилось, и он воскликнул: "Хвала Аллаху, который сделал исход этого благим! Просим Аллаха, чтобы он завершил это дело твоим благополучным выходом!"

И мы так разговаривали, и вдруг пришла та девушка, ее сестра (а имя ее было Фатир), и Шеджерет-ад-Дурр сказала ей: "О сестрица, как нам сделать, чтобы вывести его из дворца целым? Аллах великий послал мне освобождение, и я стала свободной по благодати его прихода". – "Нет у меня хитрости, чтобы его вывести, иначе как одеть его в женскую одежду", сказала Фатир. И затем она принесла платье из платьев женщин и надела его на меня, и я вышел, о повелитель правоверных, в ту же минуту. И когда я дошел до середины дворца, я вдруг увидел, что повелитель правоверных сидит и евнухи стоят перед ним. И халиф посмотрел на меня, и заподозрил меня сильнеешим подозрением, и сказал своим слугам: "Скорей приведите мне эту уходящую невольницу!" И меня привели и подняли мне покрывало, и, увидев меня, халиф меня узнал и стал меня расспрашивать, и я рассказал ему все дело, не скрыв от него ничего. И, услышав мой рассказ, халиф подумал о моем деле и затем в тот же час и минуту поднялся, вошел в комнату Шеджерет-ад-Дурр и сказал: "Как это ты избираешь вместо меня какого-то сына купца?" И она поцеловала перед ним землю и рассказала ему, по правде, всю историю, с начала до конца. И халиф, услышав ее слова, пожалел ее, и его сердце смягчилось к ней, и он простил ее изза любви и ее обстоятельств и ушел. И евнух девушки вошел к ней и сказал: "Успокойся душою! Когда твой друг предстал меж рук халифа, тот спросил его, и он рассказал ему то же, что рассказала ты, буква в букву. И халиф, придя обратно, призвал меня к себе и спросил: "Что побудило тебя посягнуть на дом халифата?" И я сказал ему: "О повелитель правоверных, меня побудила к этому моя глупость и любовь и надежда на твое прощение и великодушие".

И потом я заплакал и поцеловал перед халифом землю, и он сказал: "Я простил вас обоих". И затем он велел мне сесть, и я сел, а халиф призвал судью Ахмеда ибн Абу-Дауда [666] и женил меня на этой девушке и велел перенести все, что у нее было, ко мне, и девушку ввели ко мне в ее комнате. А через три дня я вышел и перенес все эти вещи ко мне в дом, и все, что ты видишь у меня в доме, о повелитель правоверных, и что кажется тебе подозрительным – все это из ее приданого".

И в один из дней моя жена сказала: "Знай, что альМутаваккиль – человек великодушный, но я боюсь, что он о нас вспомнит или что-нибудь упомянет при нем о нас кто-нибудь из завистников, и хочу сделать что-то, в чем будет спасение от этого". – "А что это?" – спросил я. И она сказала: "Я хочу попросить у него позволения совершить паломничество и отказаться от пения". – "Прекрасный план ты указываешь!" – воскликнул я. И когда мы разговаривали, вдруг пришел ко мне посол от халифа, требуя Шеджерет-ад-Дурр, так как халиф любил ее пение. И моя жена пошла и служила ему, и халиф сказал ей: "Не покидай нас". И она молвила: "Слушаю и повинуюсь!"

И случилось, что она ушла к нему в какой то день (а он прислал за ней по обычаю), но не успел я опомниться, как она уже пришла от него в разорванной одежде и с плачущими глазами, и я испугался и воскликнул: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!" – и подумал, что халиф велел нас схватить. "Разве аль Мутаваккиль на нас разгневался?" спросил я. И моя жена сказала: "А где аль Мутаваккиль? Власть аль-Мутаваккиля кончилась, и образ его стерт". – "Расскажи мне истину об этом деле", – сказал я, и моя жена молвила: "Он сидел за занавеской и пил, и с ним был аль-фатх ибн Хакан и Садака ибн Садака, и бросился на него его сын аль-Мунтасир с толпой турок [667] и убил его, и сменилась радость злом, и прекрасное счастье стонами и воплями. И я убежала вместе с невольницей, и Аллах спас нас".

И я тотчас же вышел, о повелитель правоверных, и спустился в Басру, и пришла ко мне после этого весть, что началась война между аль-Мунтасирэм и аль-Мустаином, его противником [668], и я испугался и перевез мою жену и все мое имущество в Басру. Вот мой рассказ, о повелитель правоверных, и я не прибавил к нему ни буквы и не убавил ни буквы, и все, что ты видишь в моем доме, о повелитель правоверных, и на чем стоит имя твоего деда аль-Мутаваккиля – от милостей его к нам, так как основа нашего благоденствия – от твоих благороднейших предков, и вы – люди милости и рудник щедрости".

И халиф обрадовался этому сильной радостью и удивился рассказу Абу-ль-Хасана.

"А затем, – говорил Абу-ль-Хасан, – я вывел к халифу ту женщину и моих детей от нее, и они поцеловали землю меж его рук, и он удивился их красоте. Он велел подать чернильницу и написал, что снимает харадж с наших владений на двадцать лет".

И халиф обрадовался, и он взял Абу-ль-Хасана к себе в сотрапезники, и наконец разлучил их рок, и они поселились в могилах после дворцов. Хвала же владыке всепрощающему!